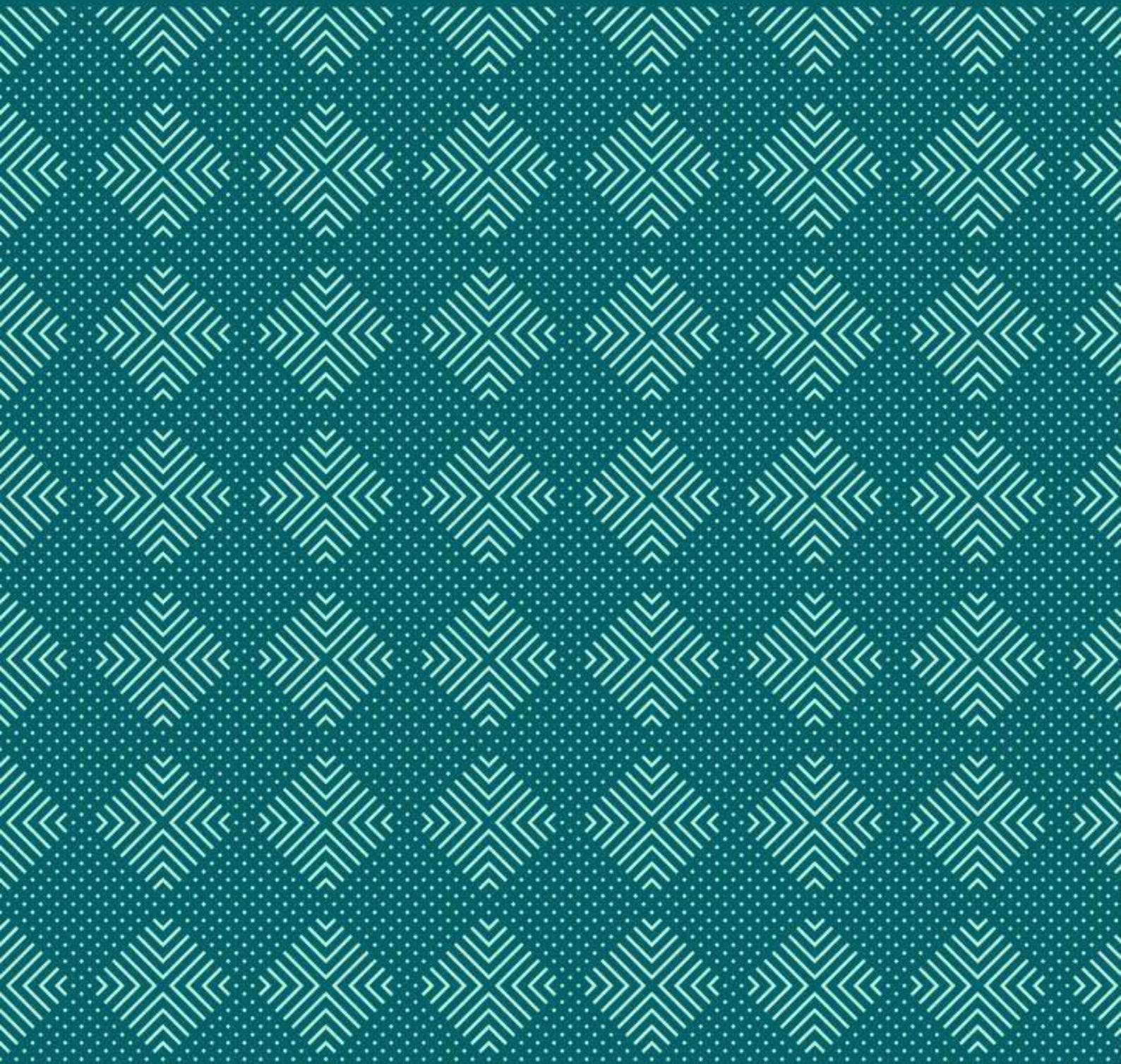
18+

Катерина Сажнева

Под небом голубым



Катерина Сажнева

Под небом голубым

«Издательские решения»

Сажнева К.

Под небом голубым / К. Сажнева — «Издательские решения»,

Женька Чернова когда-то была бесстрашной журналисткой. Она побывала в горячих точках и привыкла смотреть смерти в лицо. После страшной трагедии она ушла из профессии.Валентин Козырев — губернатор, который построил посреди сибирской тайги собственную Венецию. У него есть власть, деньги и почти всё, что можно купить.Она слишком хорошо знает, как больно бывает довериться.Но что, если любовь — это не только встретить своего человека, но и суметь ему поверить?

© Сажнева К.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Журналистка 6
Ноябрь 2008 6
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Под небом голубым

Катерина Сажнева

© Катерина Сажнева, 2026

ISBN 978-5-0071-7485-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОДА, ОГОНЬ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ
(ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ…)

Часть первая. Журналистка

Ноябрь 2008

Город тонул в разноцветье ленивой реки.

Острые купола католических церквей, луковые макушки православных храмов, игрушечные бюргерские домики, оконца, лесенки, ратуши, часовни — все новенькое, пахнущее еще свежей краской и промозглой речной сыростью, зеленое, розовое, голубое.

Под скудным сибирским солнцем дома эти казались прекрасными. Но странными. Будто горничная-замарашка примерила тайком бальное платье своей хозяйки. «Ненастоящие какие-то», — подумала про себя Женька.

Ветер дул. Как может дуть ветер только в конце осени, в самой глуши Сибири…

Женька споткнулась о выбоину в асфальте, чертыхнулась, притопнула шпилькой, запахнула полы легонькой замшевой курточки, кто ж знал, что здесь такие холода? И, глянув по сторонам — не видит ли кто? — опасливо зевнула, ее самолет прилетел сегодня только в пять утра, надо бы в гостиницу, поспать, какого черта ее ни свет ни заря потащили на эту экскурсию… Как будто бы три часа спустя все эти дома исчезнут, провалятся в тартарары как фата моргана.

— А теперь внимательно посмотри направо, именно отсюда начинается наш венецианский квартал. Козырев построил его точь-в-точь по планам Пьяццы Сан Марко, самой знаменитой площади города на воде, — гордо заявил Борис Палыч, Женькин сопровождающий и выпятил свой огромный живот.

Собор а-ля Сан Марко был пониже оригинала. «Дворец Дожей» пожиже.

Но в целом впечатление сибирская пьяцца оставляла о себе благоприятное. Канализацией, во всяком случае, как в Венеции, не воняло, пахло ветром и тайгой. Если бы не желание спать, Женька бы, пожалуй, даже и рассмотрела все получше и покомплементарничала изысканнее, а так оставалось только автоматически кивать, сыпая междометиями. «Вау!» «Круто!» «Никогда такого не видела!» «Ого!» — и идти дальше, считая минуты до того момента как можно будет, наконец, завалиться в гостиницу.

— Ты даже представить себе не можешь, что всего десять лет назад на месте этой красотищи ничего не было — только бурьян и кустарник, кустарник и бурьян. Люди вечерами с работы шли через сплошные кусты, вообще даже не представляя себя — дойдут ли они до дома. Хулиганов здесь мелких было — завались. Изобьют, ограбят. В выходные совершенно некуда пойти, бурьян да пустырь, да кинотеатр «Родина» с обвалившимися мраморными колоннами… — в прошлой жизни Борис Палыч точно был поэтом, а в этой, вероятно, жаворонком и садистом. Как можно было вываливать всю эту информацию на лишенную даже завтрака бедную Женькину голову? В городе Борис Палыч возглавлял региональное отделение крупного пиар-холдинга «Таюр», который заказал Москве книгу о замечательной столице их замечательной сибирской родины — небольшой (всего три Франция и одна Бельгия), небогатой (кроме бескрайней тайги никаких природных ресурсов), а посему оставленной без внимания федеральным центром будто сиротка без приданого.

Женька Чернова была журналисткой. Когда-то. Давно. В прошлой жизни. Она и сама уже забыла когда.

В данный же исторический момент она представляла интересы этого самого холдинга и должна была — всего за три дня — собрать материал на первую главу… в общем-то ничего сложного.

— У нас раньше даже набережной не было, молодежь гуляла себе вдоль реки как придется, — продолжал заливаться соловьем Борис Палыч. — Да и что это была за река? Грязная, никакущая — пришел Козырев и все сразу облагородил. То есть преобразил.

— Так облагородил или преобразил? — переспросила Женька.

— Образил и преоблагородил, то есть тьфу на тебя… Заковал в гранит, короче.

— Тьфу на меня, — согласилась Женька. — Ну что у нас там дальше по программе?

Сонная сибирская Таюра, когда-то бурливая, свободная, мчащаяся, а теперь устало притомившаяся в изгибах набережной, была искусственно поделена на рукотворные острова и каналы. Тоже типа как в Венеции. Только острова были крошечные, чуть больше палисадника, три на три метра, мимо них, выписывая по воде восьмерки, проплывали лебеди. Три белых и три черных. Прекрасные лебеди, которые, наверное, тоже мерзли в этом далеко невенецианском ноябре, а крылья у них были обрезаны — не улететь.

«Спросить, откуда деньги — бюджетные ли?» «И на фига Сибири лебеди, венецианские острова, бельгийские домики в стиле рококо и прочая дребедень? Или у них тут зарплаты с пенсиями платят вовремя, и люди давно ничего не требуют, и вообще настал полный… коммунизм? — впрочем, задавать подобные вопросы было явно глупо. Да и не за ответами на них приехала Женька в Красин — так называлось это дивное местечко, а за деньгами.

За книжку лично ей обещали честно заплатить 1200 баксов гонорара. Не очень много, конечно, но и творчества, собственно говоря, от нее никакого особо не требовали.

Знай описывай себе реки да каналы, пару колхозов, замечательных людей края, башенки в стиле рококо, удалого губернатора… Три авторских листа. То есть сто сорок страниц.

***

На десерт в гостинице подали тирамису. Маскарпоне чуть горчил. «Вам не понравилось?» — поинтересовалась официантка. «Очень!» — неопределенно вежливо соврала Женька.

По программе сегодня еще был, как она и предполагала, совхоз-миллионер, плавучий зоопарк с утками, два завода-молодца и один-полубанкрот (только о нем вскользь, Женечка, вскользь — но и не упомянуть невозможно, когда-то в войну на этом заводе весь город держался) а вечером встреча с Самим в губернаторской резиденции — что неудивительно, располагавшейся аккурат во Дворце Дожей.

Не хотелось вылезать из джинс. И мыть голову, если честно, не хотелось тоже. Женька ненавидела воду. С недавних пор. Мокрые капли брызг-г-г-г, и оглушительная тишина внутри, до изнеможения, до отсутствия мыслей.

…Облупившийся кафель. Огрызок хозяйственного мыла. Ласковый шепот пришедшей за ней санитарочки: «Слушай, Женечка, давай, мойся быстрее и пойдем в палату, баиньки. А мне еще других купать, кто сам дойти не может. А ты вполне себе ножечками топ-топ, топ-топ… Тапочки не забудь!»

Она вставала на колени в огромной больничной ванне, наклоняла голову вперед и слушала как туго бьют по ней и стекают дальше по лицу тяжелые, тугие капли. Иногда считала их — раз-два три. Затем вылезала, забирала полотенце у санитарки, раздирала расческой мокрые слипшиеся волосы — от хозяйственного мыла они пушивились и лезли в разные стороны почем зря. Каждое движение давалось с трудом. Каждый жест проговаривался внутри себя по звукам и слогам: «Я мою голову. Меня зовут Женя. Это Женя моет голову. Женя это я».

После купания она старалась не смотреть на себя в зеркало. На подходе к палате, между туалетом и дверью, висело оно — старое, потрескавшееся, больничное, больное. И нельзя было пройти мимо, чтобы не глянуть. Все глядели. Женька отворачивалась.

Зачем смотреть? Женька прекрасно знала, что в зеркале отражается совсем не она. Кто-то другой. Мутный и темный, с ввалившимися глазами, в безразмерном рваном байковом казенном халатике…

«Пойдем, Женечка, пойдем, ты сегодня такая хорошая. Я тебе сейчас таблеточку дам, чтобы покрепче спала, — как звали ту санитарку? Баба Маша? Баба Клава?

Женьку не звали никак. То есть, наверное, у нее было имя, когда-то в другой жизни, но вспоминать его она больше не хотела.

Волосы мокрили подушку. Дуло из старого окна, проткнутого ватой и заклеенного газетами. Скелеты ветвей за окнами пугали Женьку черными тенями.

В их палате в неврологии на 7 человек нечем было дышать. Кто-то кашлял, кто-то стонал, к полуночи обычно привозили новеньких с ЧМТ и после операций, и они метались до утра, пока не приходила сестра со шприцами, наполненными спасительным успокоительным.

Женька ничего этого, слава богу, не слышала — она спала глубоко, но безрадостно, точно понимая, что, когда спишь, мир, сотворивший с ней самое страшное, кажется выключенным навсегда.

…Джакузи в люксе гостиницы сибирского города Красин Красноградской области (три Швеции, одна Болгария) был великолепен. Вот только пены горничная налила слишком много. Пена переплескивалась на подогреваемый пол. Тряпки подтереть не было.

Маленькое черное платье едва сходилось на спине. Разожралась, мать, куда еще дальше. Женька капнула себе на запястье «Шанель» и набросила привезенный из Китая, из китайского Люй-Шунь-коу — бывшего российского Порт-Артура, потерянного империей сто лет назад в русско-японскую войну, длинную, почти до пупка, жемчужную нить.

С некоторых пор она задыхалась от коротких бус, плотно обвивавших ее шею…

— Здравствуйте, я Женя, — она протянула руку невысокому худому мужчине в кашемировом свитере, встретившему ее у входа в губернаторский кабинет.

— Здравствуйте, Женя, а я губернатор, — он протянул ей руку в ответ. Рука оказалась мягкой и слабой, это была рука сибарита, привыкшего следить за собой и не знающего физического труда. Женька такие руки не любила…

— О! Господин губернатор! Вот как! Так это вы все здесь построили? — нежная полуулыбка и пять восклицательных знаков в одном предложении. Боже, скажи моим собственным рукам, чтобы оставили в покое жемчужную нитку.

— Если здесь понастроил, то наверное я, — он тоже улыбнулся. Улыбка, как ни странно, вышла вполне открытой, искренней.

«Только не перебарщивай. Аудиенция назначена на пять. Кофе-чай, потанцуем, за час с губернатором управимся — и повезем тебя ужинать в самый крутой ресторан города», — на ходу, пока на проходной Дворца Дожей служба охраны проверяла у них паспорта и сумки, проинструктировал Борис Палыч. Женька не сопротивлялась. Чай так чай. Кофе так кофе. Вот только без танцев, пожалуйста…

— А откуда вы сами, Женя, и что забросило вас в нашу глухомань? — спросил губернатор.

— Я из Москвы, — ох уж эти протокольные беседы. — Занимаюсь пиаром. А ваша, как вы говорите, глухомань входит в сферу общероссийских интересов — наверное, и сами знаете, что мы про вас планируем писать. Книгу. — многозначительно добавила она.

«Разве?» — поднял брови губернатор. Ага-ага, там мы тебе и поверим, что ты ничего не знал, про заказ, про проект будущей летописи и наивно полагаешь, что это я сама — от нечего делать — ломанулась сюда сквозь пять часов на самолете, только чтобы с тобой поговорить.

— Если честно, я вообще не хотел эту книгу, — продолжил Козырев. — Мне это не надо. Глухой медвежий уголок. Чего же боле? Лишнее внимание нам ни к чему. Никому не нужный край, от Бога слишком низко, от Кремля далеко — вот и хозяйствуем тут помаленьку. Как умеем…

— А как умеете? — осмелела Женька. — И для чего все это? Ну дома, дворцы Дожей, Венеция? Для чего? Здесь же Сибирь вроде как? Не Европа чай…

Губернатор посмотрел на нее с интересом. Задумался (театрально, наверное, потому что ответ на этот вопрос он давно уже для себя знал, просто хотел, чтобы ответ этот показался и окружающим, и Женьке, экспромтным и пришедшим ему в голову только сейчас.)

— Понимаете ли, Евгения, большинство моих подданных, то есть.. наших граждан и россиян — они ведь даже в вашей Москве, может быть, только раз в своей жизни проездом и были. В ГУМе, в ЦУМе. Что уж тут говорить — о Париже, Милане, Венеции. Для них это просто красивые слова. Поэтому я и решил перенести Париж, Милан и Венецию поближе к нам в Красин. Так сказать принесу культуру в массы и ближе к народу.

— А народ он как — согласен?

— А народ, Женечка, никто не спрашивает — если бы я делал только то, что хочет мой народ, то в городе строились бы только пивные ларьки и торговые центры…

Принесли чай. С клюквенным вареньем. Варенье было вкусное, свежее, с тонюсенькими веточками трогательно утонувших в нем ягод. И Женька еще подумала, что, может, и парижане с венецианцами были бы тоже не прочь, отведать это сибирское вареньице, может и им хочется культуру в массы — а некому принести…

Весело и как бы вскользь губернатор поведал историю о том, как приезжал пару лет назад к нему в гости сам президент — и он его тоже решил угостить вареньем, и как встала на дыбы президентская охрана — как так, на предмет отравления продукт не проверен! — а глава государства, самый человечный человек, махнул рукой и все равно, на свой страх и риск съел ложечку.

— Остался жив? — поинтересовалась Женя, как будто бы не видела президента живым и здоровым в гостинице сегодня по телевизору.

— Как можно, — хохотнул губернатор. — Не только ему, но и мне еще жить хочется. Отличное было варенье.

— Ну да, ну да, — заметила Женя, а затем, покопавшись в памяти и так и не вспомнив, переспросила губернатора. — Скажите, пожалуйста, а как вас вообще зовут-то?..

— Что? — губернатор аж вздрогнул.

— Ну имя у вас есть… У меня просто память дырявая, я с первого раза абсолютно ничего не воспринимаю. Должно же у вас быть человеческое имя, как у всех — боже мой, ведь можно было бы и не спрашивать, ну зачем ей его имя, поинтересовалась бы потом у Борис Палыча, сообщил бы. И как теперь вывернуться из этой щекотливой ситуации — явилась к заказчику, к вип-персоне, но забыла прояснить как его зовут? Эх, Женя, Женя, голова бедовая…

— Меня зовут Валентин Олегович Козырев, — серьезно посмотрев ей в глаза, ответил он. — Может быть, останетесь на ужин, Женя? А то что все чай да чай…

Она осталась. Непонятно с чего бы это, но губернатор тут же и повеселел. Сказал, что был уверен, что она ему не откажет, что он знает, что действует на женщин совершенно неотразимо — каждая от него без ума, и стоит ему предложить им с ним поужинать, так все сразу и соглашаются.

А Женька ответила, что только полная дура не согласится поужинать с губернатором, потому как черная икра, и рыба, и итальянское вино Бароло Каннуби Боскис урожая 2003-го года, только его и предпочитал губернатор, заказывая ящиками из Пьемонта, априори были прекрасны. И не нашлось еще той женщины, которая бы это не поняла, не оценила и не попробовала — если предлагают. «Зачем мне все это нужно? — вещал меж тем Валентин Олегович. — Копировать в своем регионе средневековую Италию? Да скучно просто так жить. Я первый срок за власть боролся с политическими оппонентами, ну там кого-то пострелял… Кого просто вынудил навсегда уехать. Шучу… — отреагировал он на мгновенно остановившийся Женькин взгляд. — Но было разное, конечно… А второй срок, когда меня президент переназначил, и потерять свою должность из рук избирателей я уже не боялся, то вдруг подумал — а зачем мне это все? У меня и так уже миллионы на счетах. Я по всем здешним понятиям — миллионер и

даже рублевый миллиардер, я в списке Форбс и предприятия мои разбросаны по всей России. Ну там металлургия, нефтянка… Не в первой десятке, конечно. Но на жизнь вполне хватает. А дальше что? Свою порцию личного тщеславия, на неделю, на год, на десятилетие вперед, я удовлетворил — я ведь здесь с 2000-го правлю, но что напишут обо мне в учебнике истории, допустим, сто лет спустя, вот это мне интересно… Это хотелось бы узнать. Прочитать хоть пару строчек. Если жил такой и прожигал свою жизнь как все — генерал-губернатор хренов, то на это я не согласен. Я, Женя, хочу остаться в людской памяти не тем, кто прожигал, а тем, кто созидал… Будет город построен и дальше он будет стоять, и пусть он назван не моим именем, но те, кто здесь станут жить, наши потомки, запомнят козыревский стиль. Это город построил Козырев. Так они говорить станут.

«Мы все глядим в Наполеоны», — подумала Женька. Ну надо было что-то отвечать ему, что-то важное, и тоже, наверное, многозначительное.

Потому что раз вырвался этот крик из недр губернаторской души, а она поняла, что это был крик — мечта о бессмертии, о величии, о признании — то надо как-то реагировать, отвечать — с недавних пор она перестала делить людей на себя и других, все были — ею одной, а ее, получается, не было совсем, иногда это было больно, чувствовать чужими чувствами и болеть чужой болью, раствориться в других людях… Но только так она могла не помнить про свою собственную боль.

«Да я вас прекрасно понимаю. Всем хочется — остаться в истории, только не всем это удается, — ответила Женька. И снова усмехнулась о том, что лично ей, например, в историю всегда удавалось только вляпаться.

— Я почему люблю Италию. И нахожу в ней параллели с нашей сегодняшней российской действительностью, — продолжал губернатор. «Да ну!» — восхитилась Женька.

— Да, как-то так выходит, что у них, в средневековой Италии, немногим-то жизнь от нашего и отличалась: кто-то делал бизнес, как сейчас в России, нувориши, купцы, авантюристы всякие, а кто-то в это время давал деньги на роспись Миланского или Флорентийского собора. Иногда, как в случае с династией знаменитых меценатов Медичи, удавалось совместить и то и другое, — продолжал Валентин Олегович. — Медичи нанимали себе на службу лучших архитекторов и художников, сам великий Леонардо работал на них по контракту — расписывал Собор. Средневековый бизнес по-любому у всех давно закончился. А вот соборы остались… И династию Медичи поэтому помнит весь мир.

— А вместе с ними и старика да Винчи, — резюмировала Женька.

Козырев шутку оценил: «Ну, может, и о них помнят потому, что они нанимали Леонардо на работу. В истории ведь остаются только гении и сильные личности. Как ни старайся. История — баба злая и привередливая, посредственности ей не нужны»

— А вы личность? — Женька качнулась на стуле и наколола на вилку самую маленькую икринку. Черный соленый сок брызнул на огрызок черного хлеба. — А вы личность? — повторила она.

— Я? — Козырев не задумался ни на секунду. — Время покажет.

***

— Только не перебарщивай, Женечка, только не перебарщивай, — Борис Палыч нервно глянул на часы. Улица перед Дворцом Дожей была уже пустынна, когда губернатор их, наконец, от себя отпустил. — Это же надо — шесть с половиной часов пробеседовали. Это же куда так годится? Нет, хорошо, конечно. Но вдруг бы ему что не понравилось бы? Вдруг бы ты ляпнула что-то не то? И что тогда — конец контракту. А контракт-то миллионный… И оплачивает его лично он, так что думать надо, что говоришь и как. А ты с ним как с ровней. А он кто? Он -губернатор.

— Борис Палыч, — Женька зевнула. — Это все так интересно. Но я так устала. Я спать хочу.

Завтра опять было рано вставать. Не дошла даже до джакузи. Плюхнулась на подушку. Позвонила по скайпу родителям — Алиска как всегда отказывалась идти наутро в детский сад, привередничала, заявила, что ее в саду не устраивают условия пребывания, и бабушка ее поэтому туда идти не заставит, и вообще — скоро в школу, чего заморачиваться-то? «А нельзя мне сразу в 11-й класс?» — хитро поинтересовалась дочь. — Как-то не хотелось бы зря расходовать свое время!»

Разговор этот заводила она не первый день. Женька к нему привыкла. И к своим ответам на него тоже.

— Лис, ты думаешь, что ходить в школу — это зря расходовать свое время? «Мам, я не думаю, я знаю» «А чем бы ты хотела тогда заниматься, чтобы себя занять? Скучно же все время ничего не делать».

Лиска рассыпалась квадратиками на мониторе, связь загибалась: «Скучно, мама, все время работать. Ты на себя посмотри! Мы же друг друга почти никогда и не видим. Я все время у бабушки, ты все время в этих своих командировках. Я бы нашла, что делать, любила себя и вообще бы жила как королева. Лежала на диване и смотрела Хану Монтану. Весь день и всю ночь. А ты бы была рядом», — 3G-интернет моргнул пару раз и наглухо завис. В сибирской глуши роуминг рвал все рекорды как душу. Бесплатный же вай-фай в гостинице предусмотрен почему-то не был. «Жадина-говядина, на Миланский собор денег не пожалел, а на инет зажал», — фыркнула Женька в сторону Валентина Олеговича. Спать расхотелось.

Окна ее спальни выходили как раз на Дворец Дожей. В одних трусах и майке Женька открыла дверь и выскользнула наружу. На самом деле на улице, если настроиться, оказалось не так уж и холодно. Легонькая криосауна для омоложения. Давно пора омолаживаться — 31 год уже. Женька потянулась. Замерла. Закашлялась. И застала на границе гостиничного тепла и уличной тьмы.

Только одно окно горело в этот час в Красине. Во Дворце Дожей. Это было окно губернатора.

***

Наутро было то же самое. Бесконечные леса. Зверофермы. Кубометры ненужных и нечитаемых, в принципе, цифр — бюджет, профицит, дефицит, показатели прироста поголовья. Женька фотографировала каких-то людей. Задавала им многозначительные вопросы. Делала памятки в записной книжке, тоже совершенно бесполезные — то, что нужно, она запоминала и так, а то, что не нужно, почти никогда потом от природной лени не просматривала.

В этом Алиса была страшно похожа на свою маму. Только в отличие от нее дочь не притворялась работоспособной и деловой.

— А где мы проводим наш последний вечер вместе, а, Борис Палыч? — солнце сквозь иголки огненных сосен неумолимо кралось к закату. Билет на утренний рейс в Москву уже лежал в ее рюкзаке.

— Жень, ты только не удивляйся — пиар-директор как-то странно посмотрел на нее. — Но Козырев нас с тобой опять на ужин позвал. Он с утра был сегодня какой-то сам не свой, собрал пресс-конференцию, из местных журналистов, где битый час рассказывал о своем видении роли личности в истории… А потом вытребовал меня по селектору и говорит: приезжайте ужинать. И еще у тебя два интервью сегодня — в местной прессе, расскажешь им там как жизнь, как в Москве люди работают, о СМИ расскажешь, ты же, насколько я помню, тоже бывшая их коллега, журналистка?

Журналистка…

— Сука! Шлюха! А ну давай раздевайся быстро… — чьи-то руки шарили по Женькиному телу. Она закрыла глаза. Открыла. Попробовала проснуться. Но не получалось почему-то. Это был не сон. Горное ущелье. Маленький ручеек, стекавший вниз. И чье-то гнездо на

дереве, может быть кукушки — она не знала, водятся ли здесь, на Северном Кавказе кукушки, и, если водятся, то спрашивают ли у них — сколько осталось лет?

Кукушка-кукушка, сколько мне жить оста…

Ее бросили на землю. Пригнули сверху, обхватив за волосы, заткнув рот какой-то вонючей тряпкой, отбросили в сторону фотоаппарат…

Дальше не было ничего. День-ночь. Бессмысленные толчки. По земле. В воду. Мир плыл перед ее глазами, пытаясь сохранить хотя бы крошки устойчивой реальности.

Селение — вниз по течению реки. Ты ходила туда вчера. И позавчера. Это было безопасно. В деревне живут добрые люди. Женщина, местная, наливала тебе накануне козьего молока… За деревней шли горы…

Кто эти люди? Почему они убивают тебя?

Кто ты сама? Почему ты здесь? Почему они?

Об землю. По земле. В небо.

Мамочки, я лечу… Оказывается, это так просто и так легко лететь над землей, когда не чувствуешь ни боли, ни жара…

Где-то высоко из-за облака махала ей рукой маленькая Алиска. Протягивала куклу Барби с отломанной рукой и просила починить. Это же я, кукла Барби, думала Женька. Но я не могу починить саму себя — потому что у меня больше нет рук. Я невидима и невесома. Меня больше нет, я умерла, мамочки… Как же хорошо! Как же жалко Алиску. И мужа жалко, и маму, они ведь думают, что я завтра улечу домой, что больше здесь, в горах, делать-то совсем нечего — материал для репортажа давно собран. Они меня ждут, а меня больше нет. Никогда и нигде. Потому что я умерла…

Она летела на сияние — которое то отдалялось, то приближалось, но звало, звало… и плакала обжигающей болью, и так было хорошо, светло, радостно, и не хотелось возвращаться в этот ужас и стыд.

«Мамочка, я не могу без тебя — как же так ты и так всегда уезжала в командировки и бросала меня. А теперь хочешь уехать насовсем.. Я не хочу… Не хочу… Я не буду… Это нечестно. Вернись!» — какого черта… Алиска, дурочка маленькая, ну куда я тебя брошу?!

Ее нашла та самая женщина из селения, Заура, что поила Женьку козьим молоком, она пошла за водой — и наткнулась на тело в разодранном камуфляже… Женька еще дышала. Вообще сказали, что это чудо, от той пещеры, затерянной в горах, куда ее принесли насильники и где ее душили и резали, она сама добралась почти до деревни, ползком, по земле тянулся ровненький кровавый след. Останься она в пещере, ее бы там ни в жизнь не нашли! Повезло, девчонке. Дура, конечно, но повезло…

Когда Женьку доставили в госпиталь на Ханкалу, она пришла в себя, попросила пить. «Ты видела как они выглядели? — спрашивал молодой следователь, и хмурился, и косился в свою тетрадочку.

— Ты знаешь, сколько их было? Двое? Трое?

— Я не знаю. Я не помню. Нет, — она зарывалась в байковое одеяло и просила, чтобы ее оставили в покое, чтобы дали уснуть. Она знала, что только покой и сон даст ей прийти в себя. А потом она сама все расскажет.

На десятый день, когда синяки на шее оставались еще видны, и гинеколог, добродушный дядька с огромными ручищами, похлопав ее по голой заднице — от чего Женьку тут же вывернуло наизнанку — поздравил громогласно: «Легко ещё отделалась, голубушка. Внутренние органы не задеты. Рожать будешь…»

Рожать?…

Их так и не нашли. Никто и не стал искать. Сказали, что сама виновата. Ну кто ее просил шляться одной по лесу? За репортажем пошла? Ты же баба, здесь война недавно была, какой

может быть репортаж?! Ладно, проехали. В общем, так, ситуация сложная, будем искать, но ничего не обещаем.

Она подписала объяснение, что не помнит ни лиц, ни голосов, ни даже того, сколько их было. И попросила больше её не беспокоить.

— Всё? Я вам больше не нужна?

— Вот и хорошо, Женя. Вот и ладненько. Ты же понимаешь, какая здесь обстановка…

Следователь аккуратно сложил листки в папку. Еще раз окинул глазами осунувшиеся Женькины формы и вышел из ее палаты. Больше Женька его ни разу не видела.

А ночью она расхотела жить…

***

— Так почему вы все-таки ушли из журналистики в пиар? — местная акула пера, представившаяся Катей, записывала Женьку на диктофон. Это было так прикольно, смотреть как внимательно и с пиететом тебя пишут на диктофон, и еще заодно дублируют все мысли аккуратным почерком в пухленький розовый блокнотик.

— Понимаете, Катя, каждому человеку в этой жизни хочется расти. Как-то проявить себя. Пришло время и я поняла, что хочу заниматься чем-то другим, не чистой журналистикой, а паблик рилейшнз это ведь довольно новое направление, перспективы, пути развития. Написать о человеке плохо, поверьте, может любой, а вот написать так, чтобы не только ему, но и всем вокруг понравилось, это уже надо суметь, — боже, как язык-то приспосабливается нести такую чушь. Сумасшедшим везет, они хотя бы всегда говорят то, что думают, им не приходится врать — они просто этого не умеют. Жаль, что она так и не осталась сумасшедшей.

— А что вас занесло в наш Красин? Вам здесь у нас понравилось, надеемся? — прощебетала журналистка.

— Очень — почти не соврала Женька. — У вас чудесный, потрясающий, гостеприимный край. Похожий сразу и на Париж и на Венецию, и на Бельгию. Кажется, что ты просто перенеслась туда. Такое ощущение от этой эклектики.

— А что вам больше всего запомнилось? Кто больше всего понравился? — не унималась Екатерина, грамотно, хоть и несколько в лоб подводя к нужному вопросу. Газета была губернаторская, как и все здесь, и писать, прославлять нужно было известно кого.

— Больше всего мне запомнился ваш руководитель. Валентин Олегович Козырев. Он — потрясающий человек, настоящая личность в истории. И чем больше в России будет таких политических лидеров, тем, я полагаю, быстрее мы преодолеем наши проблемы и поднимемся с колен… Катенька, милая, ну допишите вы сами что-нибудь, — наконец, взмолилась Женька. — Бла-бла-бла. Я же не знаю этого вашего Козырева. Кто он и что он — вам просто виднее, как оно должно получше получиться.

— Да ничего дописывать не надо, — пожала плечами несколько разочарованная Катя. — Вы и так уже все, что надо, сказали. Московская школа, ее не пропьешь. А вы Пугачеву с Киркоровым живых когда-нибудь видели?

…И снова на ужин был чай с вареньем. Судак по-польски. Бароло Каннуби Боскис на сей раз урожая 2005-го года. Икры не было — закончилась, наверное, по статье представительские расходы. Женя рассказала губернатору об интервью местной прессе. Посмеялись. В городе было пять газет и все подконтрольны Козыреву. «Это даже неинтересно, когда известно заранее, кто и что напишет. Но на критику я все равно не согласен, она неконструктивна, так что пусть уж лучше так хвалят. играются».

Вам приятно, когда вас хвалят просто так?

Мне приятно, когда меня хвалят искренне. А я думаю, что люди, которым я плачу, должны любить меня совершенно искренне.

— Женя, а, правда, почему вы ушли из журналистики? — спросил Валентин Олегович.

— Ну вот просто взяла и ушла, — вдаваться в подробности не хотелось. — Понимаете, — она ненадолго задумалась, как будто бы формулировала про себя ответ. Который на самом деле давно уже знала. — Военная журналистика, я же ей занималась. Она немного вся навзрыд. Черное-белое. Без полутонов. Когда чувства бьют через край, когда человек находится на грани жизни и смерти, на самом краю — это здорово, правда, здорово, но это невероятно сложно, долго жить так, в таком ритме. Вот и я не смогла… Захотелось поэтому покоя.

Она смогла бы. Она знала это. Она любила свое дело всю свою сознательную жизнь — без полутонов и прикрас, любила, любила, а затем разлюбила. Но зачем знать ему — о больничной койке, о неврологии. О санитарках бабе Клаве и бабе Маше. О заплаканных глазах матери. О врачах, которые не давали никакого прогноза — черепно-мозговая травма, посттравматический стресс. Пришла в себя, влагалище заштопали, синяки зарубцевали. Жить бы да радоваться, что так легко отделалась, а она перестала хотеть. Месяц. Два. Три. Каждый день она просыпалась, шла умываться, шла на завтрак, затем на процедуры. Затем снова спать.

Во сне наконец она вспоминала как ее зовут. Наяву не желала воспринимать мир, в котором ее предали самые близкие, те, которым она доверяла, кого любила, все.

Но откуда это было понять этому чужому, странному мужчине, пьющему элитное вино, чуть морщась от несовершенства его сегодняшнего букета: «Все-таки 2003-й год гораздо лучше 2005-го, вы не находите, Женя?» Она находила. Она ненавидела 2005-й год. А сейчас считала минуты до того момента, когда можно будет, наконец, откланяться и остаться наедине с собой.

Но губернатор все не отпускал и не отпускал.

— Вы думаете, я не знаю как живут обычные люди в России, Женя? Да, здесь, в области, я, конечно, у всех на виду и правду мне, даже если захочу ни за что не скажут. Вот если только Лена, кухарка, это она сегодня приготовила изумительный судак по-польски для нас с вами. Или шофер. Он тоже обычно говорит то, что думает, правда, думает он обычно не так много, — усмехнулся Валентин Олегович. — Но вообще, когда мы с женой и детьми уезжаем в отпуск — в Куршавель или Сен-Мориц, или в Монако — вы бывали когда-нибудь в Монако? Удивительное место… Там я обычно никого не стесняюсь, я — простой человек. Немедийный, неизвестный, и, если слышу русскую речь, то всегда подхожу к таким же простым людям, знакомлюсь с ними, общаюсь, выясняю, что происходит на нашей русской земле. Как живет и чем дышит русский народ. Иногда это бывает весьма полезно и занимательно. Так однажды в Ницце на набережной я познакомился с изумительной красавицей, бывшей элитной проституткой, мы полтора часа проговорили с ней в маленьком кафе, она мне рассказала все о своей жизни, какие клиенты у нее были, как и что, и как потом подцепила одного нашего олигарха, моего знакомого, кстати, тоже. Как он ее вывез за рубеж и как она теперь живет славно… Я ни с кем так долго по душам не говорил. Разве что с вами сейчас. Это, правда, восхитительно, общаться с простыми людьми…

— Валентин Олегович, а вы уверены, что в Монако и Санкт-Морице, и тем более в Ницце, обитают типичные русские… — интересно, он правда такой м-м-м-м странный или притворяется. Или они там, наверху, так все заелись, что даже и не представляют себе, что где-то есть другая жизнь — другой мир, где нет этих нарочито искусственных бельгийских башенок и замерзающих в холодной сибирской реке лебедей. И проституток, цепляющих олигархов на парапете набережной. Где люди живут от зарплаты и до зарплаты. Прорывает канализационные трубы. Затопляет реки. И на зиму, чтобы выжить, надо закатывать по сто банок помидоров… Чтобы хватило до весны. Мир, полный горя и боли, и простых, обыденных дел. Мир, где представитель закона, следователь, обещает найти тех, кто изнасиловал тебя, прекрасно понимая, что никто никого не найдет.

Зазвонил телефон. Козырев взял трубку. Да-да-нет-да. Разговор продолжался минут пять. На том конце провода была женщина, Женька услышала ее интонацию, просящую, даже молящую о чем-то. «Хорошо, я распоряжусь. Да, пока. Целую. Да».

— Жена. Она сейчас в Англии с сыном. Интенсив английского языка. Звонит каждый день, — проинформировал он Женьку. Хотя та, собственно говоря, совсем не требовала, чтобы ее об этом информировали. Ей было все равно.

— Жена Валентина Олеговича — первая красавица нашего города, то есть нашей области, — расплывшись в улыбке, добавил Борис Палыч. — Юлия Борисовна. Мать двух очаровательных детей. Бывшая фотомодель. Ныне известная и преуспевающая бизнес-вумен. Все телевидение нашего края принадлежит ей, строительные заводы, бутики.

Принадлежащее жене губернатора шло как-то вразнобой. Заводы и бутики не совмещались воедино в Женькином сознании. И уж, тем более, не гармонировали с тем, что сегодня успешная бизнес-вумен и первая леди края учит в Англии английский. Как же там заводы без нее — дают план?

— Я думаю, что не стоит говорить о красоте одной женщины в присутствии другой, — мило улыбаясь, заметила Женька. Все-таки не сдержалась, нагрубила. Ну правда же, сколько можно, пора и честь знать. Заговорились уже. Свои 1200 гринов ты, девочка, уже заработала — а дальше пусть сами разбираются со своими замечательными башенками, фотомоделями и местом в мировой истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.